

МАТЬ.

РАЗСКАЗЪ
Е. НАПЕЛЛЕРЪ.

Тяжёлое, свистящее дыхание ребёнка нарушало тишину маленькой комнаты, сухой злобный кашель потрясал худенькое тельце хорошенького, кудрявого, голубоглазого мальчика, метавшегося в постельке под кисейным пологом.

Склоняясь к изголовью, сидела мать, молодая женщина с красивым, но бледным, измученным бессонными ночами и тревогой лицом... С мучительной тоской прислушивалась она к дыханию и удушливому кашлю кудрявого мальчика и вглядывалась в его горевшее лихорадочным румянцем личико... Крупозное воспаление—какие злобные слова!.. Вынесет ли?... Такой маленький, такой слабенький... О, Боже мой, нет!.. Доктор качает головой... делает серьёзное лицо: «Слаб очень...но ещё есть надежда!.. Не давайте ему только волноваться...».

Она ухаживает за ним сама, не доверяет даже нане... Не спит ночи, не щадит себя... только бы остался жив ...

Реб Два года тому назад, вскоре после смерти мужа, чело века с тяжёлым характером и деспота, она, познакомив лось с драгунским офицером, Георгием Петровичем Ознобишиным.

нок зашевелился.

—Мама!... ты здесь?.. — слабым, хриплым голосом прошептал он.

С невыразимой нежностью наклонилась она к маленькому больному.

—Здесь, мой ангел, здесь... Разве я уйду куда-нибудь от тебя!.. Что тебе, мой дорогой?..

—Попить, мама... горлышко больно...

Она напоила его, поддерживая кудрявую головку, беспомощно клонившуюся к подушке.

—Дай мне твою руку, мамочка... мне так будет легче...

Её нежная, красивая рука охватила горячую ручку ребёнка и тихо гладила её... Он опять закрыл глаза и, словно успокоенный нежным, прикосновением матери, стал дышать тише. Молодая женщина не шевелилась, боясь потревожить его...

Дверь потихоньку отворилась, и в комнату, неслышно ступая, вошла старушка-няня.

—Вам письмо, барыня! — шёпотом проговорила она.

Осторожно, чтобы не потревожить больного, молодая женщина освободила свою руку из сжимавшей её маленькой ручки и взяла письмо, сделав няне знак, чтобы та ушла.

Зачем ей пишут?.. Что ей за дело до всех, раз Серёжа умирает!.. Она все-таки разорвала конверт и прочла следующее: «Сегодня, во время скачки с препятостями, Георгий Петрович упал с лошади и тяжело расшибся. Он хочет вас видеть и просит немедленно приехать к нему. P.S. — Положение его очень серьёзно: поспешите».

Подавленный стон — стон ужаса и муки — сорвался с её губ...

Жорж, её любовь, свет её жизни, все, чем она жила последние два года — разбить... умирает!.. О, Боже милосердный, за что ещё это?.. Скорее... скорее к нему!.. облегчить его страдания... припасть губами к его голове!...шептать ему слова любви и нежности!.. Скорее!...

Она вскочила и бросилась к двери...

Но тут же остановилась... Серёжа... Как же его оставить?.. Он так плох... так слаб... Вдруг приступ мучительного кашля — и он задохнётся в её отсутствие... Жорж живёт не близко, — пока доедешь, пока вернёшься... О, Боже, какие муки!.. Что же ей делать?!..

И бедная женщина остановилась в мучительной нерешительности...

Два года тому назад, вскоре после смерти мужа, чело века с тяжёлым характером и деспота, она, познакомилась с драгунским офицером, Георгием Петровичем Ознобишиным.

Они полюбили друг друга и сблизились. Искреннее горячее чувство Ознобишина не могло примириться с их ложным положением, и он умолял её выйти за него замуж, но она отказывалась, отчасти из-за Серёжи, отчасти находя, что любовь в браке скорее погаснет... Все её радости, всё счастье её жизни сосредоточилось в нём и в Серёже... Кто из них был ей дороже — она не могла бы даже сказать... И теперь, когда тот и другой одинаково призывали её, одинаково нуждались в её помощи — она не знала, что делать, она потеряла голову....

И вдруг ей вспомнились слова Ознобишина, слова, сказанные в минуту страстных ласк и безумного упоения: «Если ты когда-нибудь не придёшь на мой призыв, если когда-нибудь бросишь меня — я не переживу этого!..». Крепко прижалась она тогда к нему, захваченная этим сильным чувством, признательная за его любовь, и прошептала ему: «Никогда этого не будет!..»

И этого, действительно, не будет... она бросит все и пойдёт к нему... к милому... любимому!.. С Серёжей посидит няня... Он спит, кажется, покойно... Он не умрёт... Нет, нет, — ведь не так же ему плохо... Всего каких-нибудь два-три часа, пока она вернётся... А Жорж... «Положение серьёзное» «поспешите»... Ещё застанет ли в живых!.. Она видит перед собой это бесконечно дорогое лицо, эти славные, серые глаза, с таким обожанием глядевшие на неё, милую улыбку свежих губ... Неужели она потеряет его?!..

Как безумная, выбежала она из комнаты и через несколько минут вернулась уже в пальто и кружевном шарфе на голове... Тихо подошла она к кровати... Серёжа, казалось, спал, раскинув ручки, но дыхание его стало опять свистящее, тяжёлое... Она перекрестила его и на цыпочках пошла к двери... Скорее, скорее к Жоржу!..

Она уже затворяла за собой дверь...

Вдруг ребёнок заворочался... Мучительный приступ кашля заставил его приподняться...

— Мама!, мама!.. Где ты? Зачем ты уходишь?.. Я умираю... мама... мне страшно!.. Не уходи!.. Я умру без тебя.. Мама...

С минуту она стояла в дверях с безумно-блуждавшими глазами, тяжело дыша... Ещё секунда — и она рванула с себя пальто и шарф; подбежала к кровати, и, упав перед ней на колени, покрыла поцелуями пылавшие ручки ребёнка...

— Ангел мой!.. Нет, нет... мама не уйдёт никуда... ни к кому... И ты не умрёшь... ты будешь жить... Бог делает это для меня... Он простит, что я могла колебаться!..

Как ни разрывалось её сердце, но чувство матери взяло верх над чувством любовницы... Дорог ей Жорж, милый, бесконечно любимый, свет её жизни, но... если он останется жив — кто знает! — он может уйти... забыть её — ведь мужская любовь так непрочно! — взять себе другую... а Серёжа, — дитя её, плоть её, стоивший ей страшных мук деторождения, — он останется с ней и никогда, никогда, что бы ни было, не порвётся связь матери и сына...

Судьба сжалилась над матерью, голубоглазый мальчик выздоровел.

Но...

Георгий Петрович Ознобишин умер в ту же ночь...

